

Все эти бесконечные свадебные обряды — встреча жениха, прощание с родителями, посадка в паланкин — прошли мимо сознания Лю И. Стоило ему оказаться в душном полумраке свадебного паланкина, как навалилась дремота, и он провалился в тяжелый, полузабытый сон.

Очнулся он, лишь когда паланкин мягко опустился на землю, а снаружи уже раза три или четыре настойчиво попросили выйти.

Перед глазами стояла крошечная тьма. На голову что-то набросили? Лю И невольно потянулся к лицу, но, когда пальцы коснулись прохладных бусин на тяжелой ткани, разум мгновенно прояснился. Свадебное покрывало.

— Молодой господин, прошу вас, выходите, — раздался из-за шторы тихий голос.

Лю И глухо отозвался и вслепую поправил сползающий набок шелк. То ли снотворное зелье еще бродило в крови, то ли безумная дорожная спешка лишила его последних сил, но стоило ему подняться на ноги, как колени предательски подогнулись.

Ци Цзянь не сводил глаз с занавески паланкина. Та даже не колыхалась. Взгляд молодого человека постепенно леденел. Прошло долгих пять лет. Пять лет назад этот человек сбежал. Неужели он вздумал бежать и теперь?

Сяосы, уловив опасную перемену в настроении хозяина, поспешил отвлечь его негромким вопросом:

— Наследный принц Ци, гости уже в сборе. Будете принимать лекарство?

— Нет, — коротко отрезал Ци Цзянь.

Он сделал несколько стремительных шагов вперед и с силой рванул на себя парчовую занавеску.

Лю И как раз тянулся к выходу. Пальцы едва коснулись ткани, как она резко исчезла. Потеряв опору, он покачнулся и полетел вперед.

Подол ярко-красного халата взметнулся, расшитые на покрывале жемчужины испуганно зазвенели. Помня о том, что свадебному убору ни в коем случае нельзя коснуться земли, Лю И одной рукой судорожно прижал шелк к лицу, а другую выбросил вперед, пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь.

Ци Цзянь на мгновение опешил при виде падающего на него супруга. Рука дернулась сама собой, преграждая путь, и Лю И мертвой хваткой вцепился в его широкий рукав.

— Прости, оступился, — поспешно пробормотал Лю И, едва обретя равновесие. Под плотной тканью он не видел, кто спас его от позорного падения.

Ци Цзянь молча, ледяным жестом высвободил рукав.

Не дождавшись ответа, Лю И вздохнул и принялся осторожно нащупывать дорогу из паланкина. В душе он уже вовсю ворчал на новоиспеченного супруга: «Надо же, устроил такую пышную церемонию, а на толковой свахе сэкономил!»

Ци Цзянь молчал. Он наблюдал, как Лю И неловко выбирается наружу, как несмело поправляет алый шелк на голове. Сквозь колышущиеся нити белого нефрита на мгновение показался изящный, безупречно белый подбородок.

Поддавшись странному порыву, Ци Цзянь протянул руку и слегка коснулся пальцем этого подбородка. Пять лет на суровой северной границе, бесконечные походы и сражения — как его кожа могла остаться такой же нежной и светлой, как у изнеженного столичного франта?

Почувствовав чужое прикосновение, Лю И мгновенно среагировал: перехватил чужое запястье и резко вывернул его, применяя технику захватов.

— Кто здесь?

— И как ты думаешь, кто я? — Ци Цзянь даже не поморщился, лишь с легким удивлением скользнул взглядом по державшей его руке.

Этот глубокий голос Лю И запомнил сразу, пусть даже тот произнес всего одну фразу о пропущенном часе. Неловко улыбнувшись под покрывалом, он поспешно разжал пальцы и бережно, словно извиняясь, погладил покрасневшую кожу на запястье Ци Цзяня.

Тот перевел взгляд со своего запястья на Лю И, а затем властно перехватил его за подбородок. Кожа оказалась настолько шелковистой, что у Ци Цзяня на мгновение дрогнуло сердце, и все приготовленные колкости разом вылетели из головы.

Лю И, чувствуя свою вину, замер в ожидании неизбежного нагоняя, но тишина затягивалась.

Сяосы переводил растерянный взгляд с одного на другого и наконец решился вмешаться:

— Наследный принц Ци, гости заждались.

Ци Цзянь нехотя отпустил его и сделал шаг вперед. Лю И, ничего не видя из-за плотного шелка, покачнулся на ослабевших ногах и уткнулся лбом прямо в его грудь.

Ци Цзянь опасно прищурился:

— Неужели тебе так нетерпится?

— Что? — опешил Лю И.

— Распускать руки при всем честном народе... Подобное поведение недостойно благородного мужа, — высокопарно процедил Ци Цзянь, нахмурившись так, словно решал судьбу государства.

«Что за чушь он несет?» — подумал Лю И. Будто сбрасывать Великого наставника в пруд — это поступок истинного джентльмена! Впрочем, если бы перед ним стоял прежний, мягкий и покладистый Ци Цзянь, Лю И высказал бы это без колебаний. Но сейчас, глядя на этого грозного мужчину, он растерял всю свою былую смелость.

Спрятав глаза под покрывалом, он решился лишь на робкое возражение:

— Вообще-то, солнце уже давно зашло. На дворе сумерки.

Эти слова почему-то задели Ци Цзяня за живое. Вся напускная нерешительность с его лица мгновенно испарилась, сменившись сердитой гримасой.

— Бесстыдник, — процедил он сквозь зубы.

— Чего-о?.. — Лю И окончательно перестал понимать логику своего супруга.

Вместо ответа Ци Цзянь шагнул назад, подхватил Лю И поперек живота и бесцеремонно взвалил на плечо, точно мешок с мукой.

— Эй! Ты что творишь?! — Лю И едва успел прижать ладонь к слетающему покрывалу, округлив глаза от изумления.

Сяосы испуганно запричитал, семеня следом:

— Наследный принц Ци! Господин, что вы делаете?! В главном зале полно гостей, они же всё видят!

— А у меня был выбор? — сокрушенно вздохнул Ци Цзянь, будто разводя руками. — Он ведет себя столь легкомысленно, что не оставляет мне иного выхода.

«Легкомысленно?! Да в каком месте?! Ты хоть объясни сначала!» — бушевал про себя Лю И.

Наконец, справившись с онемением, он выдавил:

— Да я же...

Договорить он не успел. Ци Цзянь дважды коротко, но ощутимо шлепнул его пониже спины.

— Помолчи. Мое терпение не безгранично, так что даже не думай выказывать свое бесстыдство при посторонних.

Лю И и Сяосы одновременно лишились дара речи.

Свадьба двух мужчин разительно отличалась от традиционного торжества. Стоило скинуть красное покрывало, как Лю И пришлось занять место за столом подле супруга. Глянцевая парча, дорогие кушанья, бесконечные тосты... Глядя на то, как Ци Цзянь раз за разом опустошает чарку и начинает тихо, натужно кашлять, Лю И почувствовал, как в груди заныло.

Когда-то, еще в юности, они тоже сидели за хмельной чашей.

Тогда они устроились в уютной отдельной комнате, украшенной изящными свитками с тушевой живописью. Лю И в те годы как раз грелся в лучах славы «молодого гения». Правда, лишь он один знал секрет своего «невероятного ума»: все лавры достались ему исключительно благодаря обрывкам школьной программы, чудом уцелевшим в голове после выпускных экзаменов.

Он мог без труда процитировать пару классических стихотворений, но рассуждать о высоком искусстве живописи, а уж тем более сочинять изысканные винные вирши по мотивам этих картин был совершенно не способен.

Увы, его честным признаниям никто не верил, считая это обычной скромностью. В итоге, когда очередь доходила до него, Лю И оставалось лишь молча осушать штрафную чарку. После нескольких раундов его щеки уже пылали ярким румянцем.

Юный Ци Цзянь, сидевший поодаль, долго и хмуро наблюдал за тем, как хмель овладевает его другом. Когда перед Лю И вновь поставили полную чарку, Ци Цзянь вдруг молча перехватил ее и выпил до дна. Он даже бровью не повел, лишь кончики ушей предательски окрасились в нежно-розовый цвет.

Лю И украдкой взглянул на сидящего рядом мужа и едва заметно вздохнул. Теперь Ци Цзянь легко осушал чашу за чашей, и его уши оставались бесстрастно бледными.

Но за этим напускным безразличием крылся едва слышный, сухой кашель. Лю И невольно вспомнил слова Цзян Фэнюя: здоровье Ци Цзяня пошатнулось как раз пять лет назад, и с тех пор он угасал на глазах.

Заметив, что Ци Цзянь вновь потянулся к хмельному, прерывисто вздыхая от очередного приступа кашля, Лю И не выдержал. Он резко протянул руку и перехватил кубок.

— Наследный принц Ци, ваш супруг уже совсем плох... — со вздохом проговорил Сяосы, с тревогой глядя на пунцовое лицо Лю И.

— И вовсе я не пьян, — пробормотал тот, откидываясь на спинку кресла. Его веки отяжелели, а густые ресницы отбрасывали на щеки мягкие полутени. — Я могу еще...

Разумеется, он лукавил. Лю И прекрасно понимал, что перебрал лишнего.

Весь день прошел в бешеной скачке — он изо всех сил стремился успеть к свадебной церемонии, и усталость буквально валила его с ног. К тому же действие сонного зелья еще не прекратилось окончательно, а крепкое вино лишь усугубило слабость. Мысли путались, а тело казалось невесомым.

— Отведи его в покои, — негромко приказал Ци Цзянь, опустив голову так, что лица не было видно.

Сяосы замялся. Ци Цзянь хмуро взглянул на слугу.

Тот несмело протянул руки к расшитому свадебному халату Лю И, но поймал на себе такой свирепый взгляд хозяина, что тут же отпрянул, испуганно лепетя:

— Хозяин, пощадите! Молодой господин Лю — благородный супруг вашего высочества, куда мне, ничтожному, до него дотрагиваться!

Лишь после этого Ци Цзянь успокоился и едва заметно кивнул, снова погружаясь в молчание.

Слугу вдруг осенило:

— Господин, звать служанок в такую ночь тоже не по правилам приличия. Может... вы сами окажете милость и отнесете его в спальню?

— Чтобы я сам марал руки? — Ци Цзянь холодно усмехнулся. — Ты, я вижу, совсем обленился на своей службе.

Сяосы, зажмурившись, продолжил гнуть свою линию:

— Но господин, иного пути нет! Кто же виноват, что наш молодой супруг оказался столь... столь...

Ци Цзянь приподнял бровь, безмолвно приказывая договаривать.

— Столь навязчивым! — выпалил слуга и хлопнул в ладоши. — Вот именно, навязчивым! Он ведь так набрался только ради того, чтобы ваше высочество лично отнесли его на руках!

Лю И, вяло привалившийся к столу, подумал: «Я хоть и пьян, но слух пока не потерял...»

— Неужели ты и впрямь так сильно этого хочешь? — Ци Цзянь склонился над Лю И.

Тот изо всех сил замотал головой, безмолвно протестуя.

Смерив его равнодушным взглядом, Ци Цзянь повернулся к слуге и со вздохом произнес:

— Что ж, придется уступить его капризу. Исключительно ради того, чтобы не позорить репутацию семьи Ци перед гостями.

Не дав Лю И опомниться, он легко подхватил его на руки и уверенным шагом направился к выходу из банкетного зала.

Откинув голову назад, Лю И сквозь пелену хмеля созерцал четко очерченные, мужественные линии подбородка Ци Цзяня. В голове лениво крутилась мысль: «И это называется слабое здоровье? Сначала взвалил на плечо, теперь тащит на руках... И хоть бы раз сбилось дыхание!»

Дорога от главного зала до уединенного покоя супруга заняла не больше нескольких минут. Ци Цзянь бережно опустил ношу на мягкую постель и с удивлением обнаружил, что Лю И уже крепко спит.

Впрочем, даже во сне этот негодник ухитрялся своевольничать: его пальцы намертво вцепились в парчовую полу халата Ци Цзяня. Тот дважды попытался мягко высвободить ткань, но хватка спящего оказалась на удивление крепкой. Смирившись, Ци Цзянь присел на край постели.

Прошло пять лет. Черты лица Лю И заострились, лишившись детской округлости, но его облик по-прежнему оставался удивительно чистым — таким же, как в те далекие весенние дни их юности.

Ци Цзянь осторожно протянул руку, желая коснуться закрытых век, но Лю И беспокойно заворочался. Не выпуская его одежд, он накрыл ладонью чужую ладонь и негромко пробормотал:

— Ци Цзянь, прекрати... не приставай.

Однако, осознав, чье именно имя только что слетело с его губ, он резко распахнул глаза.

Они замерли, глядя друг на друга в упор. Оцепенение длилось недолго; Лю И виновато моргнул и жалобно протянул:

— Голова раскалывается...

— Хм, — неопределенно отозвался Ци Цзянь.

Вскоре в комнату тихо скользнул Сяосы. Он поставил на прикроватный столик пиалу с горячим отваром от похмелья, а рядом примостил тарелочку с золотистым печеньем из душистого османтуса.

При виде любимого лакомства Лю И мгновенно повеселел:

— Надо же, у вас тут акция? Одно без другого не подают?

Сладкие рисовые пирожные с османтусом всегда были его слабостью. А уж те, что готовили повара в Дворце князя Ци, и вовсе славились на всю столицу — стоило попробовать один кусочек, и остановиться было уже невозможно.

За долгие пять лет разлуки он истосковался по этому нежному вкусу. Игнорируя целебный отвар, Лю И сразу потянулся к тарелке, взял один кусочек и с наслаждением откусил. Сладкий, медовый аромат цветов мгновенно заполнил рот.

То ли хмель окончательно затуманил рассудок, то ли знакомый с детства вкус пробудил былую беззаботность, но Лю И вдруг протянул руку и поднес надкушенное лакомство к самым губам Ци Цзяня:

— Попробуй, они невероятные. Ну же, хотя бы разок!

Ци Цзянь не шелохнулся.

Встретившись с его глубоким, темным, как ночная бездна, взглядом, Лю И мгновенно протрезвел. Он смущенно отдернул руку:

— Ах... прости. Совсем из головы вылетело, что ты терпеть не можешь сладкое.

— Забыл, значит? — Ци Цзянь перехватил его запястье. Медленно, но настойчиво он потянул руку Лю И обратно к своему лицу. — А вот я ничего не забыл. Помнится, в былые времена молодой господин Лю обожал поддразнивать меня за излишнюю строгость вкусов.

— Неужели? Что-то я такого не припомню... — Лю И попытался высвободить пальцы, но Ци Цзянь держал крепко.

— Не припомнишь? — Наследный принц Ци буравил его тяжелым взглядом, словно пытался заглянуть в самую душу.

— Ну... может, и было разок-другой, — забормотал Лю И, спешно подыскивая оправдания. — Смех ведь продлевает жизнь, разве нет?

Ци Цзянь лишь глухо хмыкнул. Он приоткрыл рот и, не выпуская руки Лю И, неспешно, кусочек за кусочком, съел оставшуюся половинку пирожного. Под потрясенным взглядом супруга он медленно провел кончиком языка по его испачканным в пудре пальцам, слизывая сладкие крошки дочиста.

От этого влажного, горячего прикосновения сердце Лю И испуганно пропустило удар. Но заметив, с каким трудом Ци Цзянь сглатывает приторно-сладкую массу, он невольно нахмурился.

— Всё, что ты успел позабыть за эти годы, я заставлю тебя вспомнить. До единой мелочи, — глухо произнес Ци Цзянь.

Он наконец отпустил чужую руку и поспешно потянулся к стоявшей на столике чаше с холодным чаем.

Лю И молча наблюдал, как тот жадно осушает уже вторую пиалу, пытаясь избавиться от приторного послевкусия. Ему было и жаль его, и одновременно смешно.

— Глупый... Не любишь ведь сладкое, зачем давился? Зачем мучить себя ради глупого упрямства? — негромко проговорил он.

Однако, едва эти слова сорвались с губ, Лю И похолодел от собственной дерзости. Он внезапно вспомнил, что перед ним больше не тот мягкий, податливый мальчик, готовый покорно сносить любые шутки и капризы своего старшего товарища.